

Норман Борис Юстинович

Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, 220030, Минск, пр. Независимости, 4;
Уральский федеральный университет,
Россия, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19
Boris.norman@gmail.com

Сопоставительная славянская фразеология и паремиология: краеугольные камни и камни преткновения*

Для цитирования: Норман Б. Ю. Сопоставительная славянская фразеология и паремиология: краеугольные камни и камни преткновения. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020, 17 (3): 446–456. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.306>

Сопоставление фразеологизмов различных славянских языков проводится на основе единой системы концептов и их оппозиций. Исследуются идиомы и поговорки чешского и русского, польского и русского, русского и болгарского, русского и украинского языков. Примерами сопоставления служат такие единицы, как русские *белая ворона*, *паршивая овца* и польские *biały kruk*, *czarna owca*; чешское *obětní beránek* и русские *жертвенный агнец*, *козел отпущения*. Источники материала — опубликованные двуязычные словари фразеологизмов; учитываются также статьи лингвистов разных стран на эту тему. Обнаружены многочисленные семантические различия (коннотации), которые подтверждают идиоматический характер каждого языка. Эквивалентности фразеологизмов мешают их многозначность и различный семантический объем (*scope*). А содержание пословиц в большей мере отражает мораль общества на определенном этапе его истории, чем языковую картину мира. Демонстрируется влияние национально-культурного фона на фразеологическую производительность («фразеогенность») лексем. В частности, для болгарской фразеологии продуктивными являются слова *цървул*, *калпак*, *бъклица*, *трън*, обозначающие факты сельского быта. Делается попытка систематизировать дифференциальные признаки, различающие фразеологические единицы разных языков. Это такие оппозиции, как человек — предмет, пространство — время, духовное — материальное, оценка одобрительная/неодобрительная/нейтральная, внешнее проявление — внутреннее состояние, масштаб общий/частный, стилистическая окраска от грубой до возвышенной. Глубина и тщательность семасиологического анализа вносят коррективы в тезис об универсальном фразеологическом фонде. Статья обсуждает и развивает некоторые положения концепции профессора В. М. Мокиенко.

Ключевые слова: фразеологизм, поговорка, сопоставление, славянские языки, коннотация.

* Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.A03.21.0006).

Введение

Если массив фразеологических единиц (ФЕ) каких-то двух языков достаточно хорошо обследован (это значит, что существуют фразеологические словари и указатели, разработана — для каждого языка — классификация фразеологизмов и система помет и т. п.), то на повестку дня выходит задача сопоставительного исследования данных корпусов. В том числе актуальной является и задача сопоставительного исследования фразеологии славянских языков (русского и чешского, польского и русского, русского и болгарского и т. п.). В последние десятилетия появились и новые издания, и переиздания такого рода [Вирган, Пилиньска 2000; Aksamitów, Czurak 2000; Mokienko, Wurm 2002; Гюлумянц 2004; Stěpanova 2007 и др.] — они послужат для нас основным источником фактического материала.

Однако плодотворность таких исследований в значительной степени зависит от того, как сформулированы их теоретические основания, иными словами, на каких краеугольных камнях зиждется сопоставительно-фразеологическая работа.

Отметим здесь следующие принципиальные положения.

1. Прежде всего сопоставление материала разных языков требует выработки единой системы классификационных признаков. Это касается, конечно, не только фразеологии. Скажем, А. Мустайоки, задаваясь вопросом об основе для типологического описания грамматики разных языков, предлагает принцип «умеренной универсальности» [Мустайоки 2006: 37]. В нашем случае основанием для сопоставления фразеологизмов двух языков послужит система единых концептов, таких как «человек», «семья», «работа», «счастье», «богатство» («деньги») и т. п. Нередко эти концепты формируют пары оппозиционного или корреляционного характера: «ум» — «глупость», «любовь» — «ненависть», «мужчина» — «женщина», «вина» — «заслуга», «умеренность» — «жадность» и т. п. Это своего рода универсальная параметрическая сетка, на которую набрасывается фразеологический материал того или иного языка. Как известно, именно на принципе со- и противопоставлений основана структура знаменитого собрания Владимира Даля «Пословицы русского народа» [Даль 1957]. Бинарность (парность) — не обязательное условие для существования понятий, но очень удобное для их систематизирования. Вышедший несколько лет назад словарь [Концептосфера 2017] включает в себя около 200 важнейших для русскоязычного человека концептов, и многие из них представляют собой пары («жара» и «холод», «жизнь» и «смерть», «большое» и «маленькое», «верх» и «низ» и т. п.). Есть основания считать, что совокупность этих концептов покрывает собой основную часть духовной и материальной культуры социума.

2. Имплицитно предполагается или эксплицитно подчеркивается, что лексическая система данных двух языков включает в себя эквивалентные единицы. В противном случае внимание исследователя будет переноситься с сопоставления фразеологизмов на сопоставление лексем. Скажем, если искать в славянских языках соответствие русскому выражению *Типун тебе на язык!* и при этом задаваться вопросом, что означает слово *типун* и какую роль оно играет во фразеологизме, то анализ сам собой «переключится» на иной языковой уровень (лексический). Данное положение можно сформулировать и по-другому. Априори следует принять, что устойчивому выражению присуща та или иная степень идиоматичности и зна-

чение его отдельного компонента (слова) «растворяется» в значении целого и не представляет особого интереса для фразеолога-синхрониста.

3. Очевидно также, что для сопоставительного исследования фразеологии двух языков необходим единый методологический и методический аппарат: единые принципы отбора фразеологического материала, общие критерии степени устойчивости и идиоматичности, единый механизм семантического анализа (с одним и тем же набором операционных, в том числе коннотативных, сем) и т. п. В данном плане существенную роль играет выбор исследователем источников фразеологического материала. Скажем, трудно сопоставлять материал словаря под редакцией А. И. Молоткова [Молотков 1986] со словарем Ст. Скорупки [Skorupka 1977] — слишком различны в них принципы отбора материала и его подачи. Большое удобство в данном плане представляют собой уже опубликованные двуязычные фразеологические словари (см. выше).

4. Представляется целесообразным анализировать фразеологический запас языка в соотношении с его паремиологическим фондом. Такой подход обоснован хотя бы в силу взаимодействия «меньших» и «больших» единиц в народном сознании — регулярного развертывания фразеологизмов в пословицы и басни, равно как и компрессии фольклорных единиц до размеров фразеологизма (см.: [Мокиенко 1976: 120–129]). При этом мы отдаем себе отчет в том, что представленная в пословицах мораль скорее отражает мировоззрение носителей языка на определенном этапе, чем их «мировидение», т. е. языковую картину мира [Алпатов 2014: 13], но отказаться совсем от привлечения паремиологических данных значило бы обеднить исследуемую картину.

Основная часть

Однако и при соблюдении общих требований сопоставительный анализ фразеологического материала разных языков наталкивается на определенные трудности — камни преткновения. Покажем это на некоторых примерах.

Сопоставление фразеологизмов чешского и русского языков нередко обнаруживает как различный культурный фон, стоящий за этими выражениями, так и разный семантический масштаб (англ. *scope*) и условия их употребления.

Так, в чешском языке существуют устойчивые выражения *ani o mak, ani za mak*, которые в [Mokienko, Wurm 2002] получают русские соответствия ‘ни на волос’, ‘ни на йоту’; ‘ни капли’, ‘ни капельки’, ‘ни чуточки’. Это речевые аналоги, к которым можно добавить только то, что в русской языковой картине мира тоже присутствует представление о маковом зернышке как эталоне малости (ср. фразеологизм *маковой росинки во рту не было*, фиксируемый многими словарями). Но к этому следует еще присовокупить, что мак как растение и как пищевой продукт занимает в чешской культуре особое место. Чехия — крупнейший производитель семян мака и занимает первое место в мире по их экспорту (более 26 тыс. тонн в год). Мак у чехов — элемент национальной кухни. Он часто присутствует в еде, его высушенные семена есть в каждом доме. Любимое блюдо на десерт — *makovec* — маковый пирог или рулет с маком. Из зерен мака делают начинку: их перетирают (для чего есть специальные мельнички), варят с молоком и сахаром. Такую начинку могут класть даже во вторые блюда: в Чехии подают клецки с переваренным маком. В этой стра-

не можно встретить целые поля дикого мака, мак выращивается и как огородная культура. Не удивительно, что название этого продукта активно присутствует и в чешских фразеологизмах.

В том же словаре [Mokienko, Wurm 2002] приводится ФЕ *sekat (dělat) dobrotu*. Но указывается, что если речь идет о людях (*o lidech*), то соответствием ему будут русские выражения *вести себя примерно, быть паинькой*. А если о предметах или об организме (*o organismu, o věsech*), то — *работать без перебоев, не барахлить*. Очевидно, что чешский фразеологизм покрывает собой большее количество ситуаций — без деления на живые существа и артефакты и без намека на наличие или отсутствие этического образца.

Там же мы находим устойчивое выражение *dělat komu ocas, též ocázka*, с соответствиями 1. *ходить* (за кем-л.) *хвостом (хвостиком)*, 2. *ходить* (перед кем-л.) *на задних лапках, угождать* (перед кем-л.). Чешский фразеологизм делает упор на зависимости, привязанности (кого-то к кому-то) — без различия в моральной оценке такой зависимости. Русские же эквиваленты как раз этим аксиологическим компонентом и различаются.

Чешский фразеологизм *obětní beránek* передается по-русски двумя вариантами: 1. невинная жертва, жертвенный агнец, 2. козел отпущения. Все эти выражения имеют библейские корни и соответствующие архаичные коннотации. Но *козел отпущения* со значением ‘человек, на которого сваливают чужую вину, ответственность за других’ восходит к дохристианским, ветхозаветным традициям. Причем козел в русской культуре — сугубо отрицательный образ (ср.: *проку, как от козла молока, пустить козла в огород* и т. п.). Поэтому его заклинание воспринимается как закономерный способ очищения от грехов. А *agneц* (‘ягненок, приносимый в жертву’) — символ невинности и невиновности. *Агнец Божий* — именование Иисуса Христа в Евангелии от Иоанна. Поэтому в современном русском языке *жертвенный агнец* — ‘кроткий, послушный человек’! Чешский же фразеологизм, послуживший точкой отсчета в наших рассуждениях, лишен этих нравственных противоречий: тут важно то, что кто-то страдает вместо другого человека.

Словарь [Stěpanova 2007] представляет фразеологический материал в обратной последовательности: сначала даются русские фразеологизмы, а затем их соответствия в чешском языке.

Фразеологизму *vidat’/novidat’ [vsjakie] vidy* находят соответствия *vidět věci, mít něco za sebou, být starý kozák, znát svět, mít pohnutý život*. Это если имеется в виду значение ‘много испытать в жизни, приобрести жизненный опыт’. А если ФЕ употребляется со значением ‘быть сильно поношенным, потрепанным’, то в чешском ему соответствуют *pamatovat císaře pána, být z dob krale Holce, hodně pamatovat*. Очевидно, мы здесь опять сталкиваемся с различным семантическим масштабом, или емкостью, фразеологизма. Многозначность русского ФЕ, обнаруживаемая при сопоставлении с чешским материалом, основывается на противопоставлении по признаку *человек — предмет*. Чешские фразеологизмы уже по объему своего значения.

Русские выражения *будь здоров! будьте здоровы!* служат этикетной репликой в ситуации чихания. В чешской компании соответствующая реакция будет: *pozdrav ranbůh!* Однако русский фразеологизм сохраняет в своей этимологической памяти связь со здоровьем и потому может использоваться также в ситуации благопожела-

ния (например, при прощании: *Будь здоров!*), а также — в просторечном употреблении — со значениями ‘в высшей степени, отлично, превосходно’; ‘огромный, сильный, здоровый’. Один литературный пример:

Было обсуждение другой программы, в которую я пригласил Владимира Спивакова. Тоже скрипач *будь здоров!* Всегда собирает большой зал¹.

Эти вторичные значения *будь здоров* также фиксирует словарь, но во всех подобных случаях носитель чешского языка выберет совершенно иные соответствия: *Měj se! Mějte se!; Je to jedna báseň!; Je to eso; je to třída* [Stěpanova 2007].

Сопоставление фразеологии польского и русского языков также дает нам множество примеров, которые можно считать соответствиями только при низко опущенной планке семантического анализа.

Русское устойчивое выражение *белая ворона* близко по своей семантике к польским ФЕ *biały kruk* и *czarna owca*. Во всех случаях речь идет о чем-то необычайном, выделяющемся из общего ряда, причем внешним признаком отличия служит цвет. Но по-русски *белая ворона* — это характеристика исключительно человека, чье поведение или внешний вид не соответствует норме, а потому сопровождается скорей негативной оценкой (иначе было бы сказано что-то вроде *Он — личность!*). В польском же *biały kruk* говорят о раритете, редко встречающемся предмете (например книге и т. п.), и никакой негативной коннотации данная ФЕ не содержит. В свою очередь, *czarna owca* — это как раз о человеке, но характеристика ему дается резко отрицательная (приблизительный эквивалент — рус. *паршивая овца*). Таким образом, в качестве дифференцирующих признаков ФЕ выступают тут, во-первых, отнесенность к предмету или к человеку, а, во-вторых, оценочная коннотация.

И в русском, и в польском языке многочисленны фразеологизмы библейского происхождения, ср.: *манна небесная, глас вопиющего в пустыне, живой труп, умывать руки* и т. п.; *tańpa z nieba, głos wołającego na puszczy, żywy trup, umywać ręce* и т. п. Однако для носителя польского языка, в силу известных исторических и социокультурных обстоятельств, данные выражения значительно более «прозрачны» (т. е. соотносимы с религиозным контекстом), чем для среднестатистического носителя русского языка.

Упомянутое выше русское выражение *Тупун тебе на язык!* означает не только ‘не говори этого’, но и ‘я не хочу, чтобы произошло то, о чем ты сказал’. Иными словами, говорящий здесь апеллирует к не называемым прямо высшим силам. Польский же фразеологический аналог *Wypluj to!* означает ‘не говори этого’, т. е. ‘не смей так говорить’, ‘возьми свои слова обратно’. Это апелляция к конкретному человеку — собеседнику.

М. Горды [Горды 2010] исследовала фразеологию польского и русского языков, включающую в себя соматизмы (названия частей тела). Она выделила прежде всего целый ряд асимметричных соматизмов, т. е. «фразеомогенных» названий в одном языке, не дающих соответствий во фразеологии другого языка. Скажем, русское слово *затылок* (*глаза на затылке, чесать затылок* и т. п.) переводится на польский как *potylicą*, но не образует в польском никаких ФЕ. В то же время польские лексе-

¹ Ю. Башмет. Вокзал мечты. М.: Вагриус, 2003. С. 69.

мы *bębenek, kostka, rzęsa* играют производящую роль в польской фразеологии, но их эквиваленты *барабанная перепонка, щиколотка, ресница* в русском языке не образуют ФЕ.

Однако даже если в русском и польском языках фразеологизмы внешне подобны, их автономное семантическое развитие (которое, как показывает Горды, возможно моделировать) приводит к специфическим, уникальным результатам.

Так, соматизм *serce* в польском языке лишен амбивалентности символического значения. Реализованное фразеологизмом русского языка значение 'гнев, раздражение', ср.: с *сердцем* (*сказать, сделать* и т. п.), *иметь сердце на (против) кого-л.*, в *сердцах, сорвать сердце на ком-л.* утрачено в польском языке как в лексической, так и во фразеологической подсистемах. Омонимические польские ФЕ *mieć serce, robić co s sercem* реализуют только положительные значения: 'искренность, доброжелательность, преданность, любовь' [Горды 2010: 240].

Фронтальное сопоставление корпуса соматических фразеологизмов двух языков приводит автора к выводу, что «в отношениях эквивалентности находится более 38 % оборотов данной фразеосемантической группы» [Горды 2010: 255]. Нельзя сказать, чтобы для родственных языков это был бы столь уж высокий показатель.

В статье [Гридина, Коновалова 2019] сравниваются польские и русские фразеологизмы, включающие в себя зоонимы. При этом, естественно, обнаруживаются лексические лакуны в одном из языков. Напр., *тюлень*, символизирующий в русской языковой картине мира лень (*ленивый, как тюлень*), в польском языке такой роли не играет. Но, замечают авторы, даже фразеологизмы, подобные по форме, могут различаться своими коннотациями. Так, польский фразеологизм *kosie oszu* 'кошачьи глаза' употребляется применительно к зоркому, наблюдательному человеку, в то время как мотивировка русской ФЕ *кошачьи глаза* основана на физическом признаке — форме или цвете глаз. Можно сказать, что в русском фразеологизме эксплуатируется внешний образ животного, а в польском — его внутреннее свойство.

Обратимся теперь к сопоставлению болгарских и русских фразеологизмов, опираясь более всего на [Кошелев, Леонидова 1974]. Прежде всего, следует и здесь отметить некоторую асимметрию в использовании лексических значений. Скажем, болгарские слова *бъклища* 'деревянная баклага', *калпак* 'крестьянская меховая шапка', *педя* 'пядь', *парцал* 'тряпка', *цървули* 'крестьянская обувь из кожи' и др. обладают заметной ассоциативно-культурной коннотацией, и фразеологизмы, в которых они участвуют, могут быть переданы на другом языке только описательно, с помощью иных лексем.

Обнаруживается определенная склонность болгарской фразеологии к использованию зоонимов. Такие слова, как *куче* 'собака', *мечка* 'медведь', *вълк* 'волк', *магаре* 'осел' и т. п. обладают высокой степенью фразеогенности.

Со словом *куче* в [Кошелев, Леонидова 1974] зафиксировано 37 ФЕ, и только в 22 русских эквивалентах упоминается *собака* или *пес*. В остальных случаях смысловое тождество обеспечивается за счет других ключевых лексем, ср.: *от куче касапин не става* (букв. «из собаки мясник не получится») — рус. *пусти козла в огород; кучетата да те ядат!* (букв. «чтоб тебя собаки ели!») — рус. *черт тебя возьми!* и т. п.

Со словом *лисица* тот же словарь фиксирует 8 ФЕ, и только к двум из них относятся русские ФЕ с омонимичным *лисица*. В остальных случаях соответствующий смысл создается с помощью иных лексем, например: *ще излезе лисица на пазар* (букв. «выйдет лисица на базар») — рус. *тайное станет явным*.

Для сравнения отметим, что С. В. Голяк, исследовавшая связь между активностью слова и его способностью к образованию устойчивых словосочетаний, продемонстрировала случаи лексической асимметрии на примере сербских и белорусских ФЕ с зоонимами. Так, у сербов во фразеомобразовании участвуют *хомяк* и *ящерица*, у белорусов — *аист* и *бобёр*.

Наиболее разнообразной (по количеству представленных видов животных) в сербской фразеологии является группа обозначений зверей и некоторых других диких животных, в белорусской — группа названий диких птиц. Данная группа занимает большее место в белорусской фразеологии, чем в сербской, что, возможно, указывает на более важное значение птиц для белорусов [Голяк 2003: 54].

Это — подтверждение важности национально-культурного фона как фактора, участвующего во фразеомобразовании.

Возвращаясь к сопоставлению болгарского и русского материала, заметим, что активным в плане образования ФЕ является и болгарское слово *трън* ‘колючка, шип, терн, терние’. Но из семи болгарских ФЕ с этой лексемой только в одном русском эквиваленте упоминается слово *иголка* и в одном — *заноза*, в остальных случаях ничего «колючего» в составе ФЕ нет, напр.: *от трън та на глог* (букв. «из терновника в боярышник») — рус. *из огня да в полымя*; *трън съм в очите* на някого (букв. «я колючка кому-то в глазах») — рус. *быть бельмом на глазу* (у кого-л.), *стоять/стать костью в горле* (у кого-л.) и т. п. [Кошелев, Леонидова 1974]. По-видимому, это также связано с особенностями материальной культуры болгар — нации преимущественно сельской, вынужденной приспособляться к природным условиям.

Сопоставление паремиологического материала двух языков подтверждает нашу мысль о значительной доле своеобразия в восприятии и оценке одних и тех же реалий.

Болгарская пословица *Трай, бабо, за хубост* близка по смыслу русской *Терпи, казак, атаманом будешь*. И там, и там человека утешают, подбадривают, обещая ему за смирение и терпение какое-то вознаграждение в будущем. Однако русское выражение оптимистично, оно действительно вселяет в человека надежду, подбадривает, болгарское же глубоко иронично и скептически, его смысл: ‘терпи, бабушка, ради красоты’.

Болгарская пословица *Хубавата ябълка свинята я изяжда* применяется в ситуации, когда некоторый «хороший» объект (например, девушка, невеста и т. п.) достается «плохому» субъекту, букв. «красивое яблоко свинья съедает». К этому близко русское выражение *Падок соловей на таракана*, хотя тут отношения как бы переворачиваются: «хороший» субъект (соловей) тяготеет к «плохому» объекту (таракану). Болгарская и русская пословицы различаются «взглядом», позицией говорящего по отношению к ситуации, в которой участвуют аксиологически различные референты.

Обращение к русско-украинскому словарю устойчивых выражений [Вирган, Пилинська 2000] дает нам достаточно примеров того, как фразеологизмы в сопоставляемых языках различаются своей стилистической окрашенностью.

Так, русское слово *рожа* изначально содержит в себе грубую окраску. Она сохраняется и во всех ФЕ с его участием, в то время как украинские эквиваленты такой коннотации лишены, ср.: *корчить рожу* — *кривитися (викривлятися)*; *ни кожи, ни рожи у кого* — *ні з очей, ні з плечей хто; коцава потвора хто; рожей не вишел — не вдався на вроду, поганий на виду; потворний; препоганий; с посконной рожей да в красные ряды* — *із свинячим писком та в пшеничне тісто*.

То же самое можно сказать про фразеологизмы со словом *рыло*, ср. русские ФЕ и их украинские соответствия: *ни уха ни рыла не смыслит* (кто-л.) — *ні бе ні ме (ні кукуріку) не тямить хто; не свиним рылом лимоны нюхать* — *знається, як свиня на перці. тямииш, як свиня в апельсинах, теля не знається на пирогах; рылом не вышел* (кто-л.) — *ника (морда) не така (не та) в кого; не вдався хто (на що, до чого), не доріс хто (до чого), ще не вмився хто (до чого); с рыла — з душі (з голови)...*

Ясно, что перед нами не разовые расхождения в смыслах ФЕ, а (если доверять методологии составителей) общий сдвиг стилистических параметров.

Обратимся к паремиям. Украинская поговорка *Краще сьогодні горобець, ніж завтра голубець* (букв. «лучше сегодня воробей, чем завтра голубь») соответствует русской *Лучше синица в руках, чем журавль в небе*. Однако в украинском выражении суть противопоставления составляет временная дистанция (сегодня — завтра), а в русском — пространственная (в руках — в небе).

Украинское *Хто поросся вкрав, у того у вухах пищать* (букв. «кто поросенка украл, у того в ушах верещит») можно считать эквивалентным русскому *На воре шапка горит*: и там, и там речь идет о неблагоприятном поступке и его негативной оценке. Но соответствие это приблизительное, потому что в украинском выражении подчеркивается внутреннее состояние субъекта (страх и стыд), а в русском — его внешнее проявление и неизбежность наказания.

Украинское *Бачили вочи, що купували* (букв. «видели глаза, что покупали») примерно соответствует русскому *Пиши на себя жалобу*. Но украинское выражение употребляется только в ситуации покупки, приобретения (чего-л.), в то время как русское применимо в любой ситуации, когда в опрометчивом поступке некого винить, кроме себя самого. Напр.: *Не пришел вовремя* — *пиши на себя жалобу*.

Примеры такого рода можно приводить до бесконечности. Но цель данной статьи не в том, чтобы перечислить случаи несовпадения семантики ФЕ в славянских языках, а в том, чтобы попытаться выявить, систематизировать те дифференциальные признаки (коннотации), по которым эти ФЕ различаются.

Мы видели, что сопоставление фразеологического и паремиологического фонда славянских языков далеко не всегда обнаруживает полную смысловую эквивалентность выражений. Что же касается приблизительных соответствий, то многие из них не составляют массовых и регулярных оппозиций, а, наоборот, образуют «штучный» перечень, определяющий национальное своеобразие фразеологического корпуса. Это, в частности, касается национально-культурного фона ФЕ: природы, истории, темперамента, обрядов и ритуалов, кухни и вкусовых ощущений и т. п.

Заключение

Тот материал, который представлен в данной статье, дает основания выделить некоторые системные, регулярные оппозиции, релевантные для сопоставительной фразеологии. В основе их лежат следующие дифференциальные признаки:

- 1) одушевленность: человек (живое существо) — предмет (артефакт);
- 2) пространство (здесь, далеко) — время (сейчас, не сейчас);
- 3) антитеза духовное (сакральное, отвлеченное) — материальное (физическое);
- 4) антитеза внешнее проявление — внутреннее состояние;
- 5) оценка: одобрительная/неодобрительная/нейтральная;
- 6) масштаб: общий (крупный) план — частный (конкретный) план;
- 7) стилистическая окраска: грубая, разговорно-сниженная, нейтральная, возвышенная.

Это дает основания говорить, что не только концептуальная сфера языка предпочитает оппозиционную структуру, но и развитие общеславянского фразеологического фонда укладывается в некоторые общие бинарные «каналы», выявляемые при синхроническом исследовании.

Оценивая перспективы сопоставительных исследований во фразеологии, надо отдавать себе отчет в том, что чем выше поднимает исследователь планку обобщения, тем больше оснований говорить о тождественности ФЕ разных языков, об универсальности, интернациональности фразеологического фонда, о глобализационных процессах в данной сфере. И наоборот, чем больше внимания уделяется семантическим деталям, тем специфичнее оказывается материал каждого языка. Язык вообще идиоматичен, а фразеология идиоматична вдвойне. Только в речи удастся достичь эквивалентности и адекватного понимания за счет использования многообразных компенсаторных механизмов.

Словари и справочные издания

- Вирган, Пилинська 2000 — Вирган І.О., Пилинська М.М. *Російсько-український словник сталих виразів*. М.Ф.Наконечни (ред.). Харків: Прапор, 2000 (1959). 495 с.
- Гюлюмянц 2004 — Гюлюмянц К. *Польско-русский фразеологический словарь*. В 2 т. Минск: Экономпресс, 2004. Т. I. 685 с.; Т. II. 718 с.
- Даль 1957 — *Пословицы русского народа*. Сборник В. Даля. М.: Гослитиздат, 1957. 991 с.
- Концептосфера 2017 — *Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремииологии)*. Под ред. Л. Г. Бабенко. М.: Азбуковник, 2017. 1019 с.
- Кошелев, Леонидова 1974 — Кошелев А., Леонидова М. *Болгарско-русский фразеологический словарь*. М., София: Русский язык, Наука и искусство, 1974. 635 с.
- Молотков 1986 — *Фразеологический словарь русского языка*. Под ред. А. И. Молоткова. Изд. 4-е. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
- Aksamitów, Czurak 2000 — Aksamitów A., Czurak M. *Słownik frazeologiczny białorusko-polski*. Warszawa: Fundacja Slawistyczna. Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, 2000. 260 s.
- Mokienko, Wurm 2002 — Mokienko V., Wurm A. *Česko-ruský frazeologický slovník*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2002. 660 s.
- Skorupka 1977 — Skorupka St. *Słownik frazeologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1977. Tom A–P. 788 s.; Tom R–Ż. 905 s.

Stěpanova 2007 — Stěpanova L. *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2007. 878 s.

Литература

- Алпатов 2014 — Алпатов В. М. О двух «детских болезнях» современной лингвистики (язык, идеология, речевые жанры). *Жанры речи*. 2014. № 1–2: 9–15.
- Голяк 2003 — Голяк С. В. Активность слова и ее проявления во фразеологии (на материале сербских и белорусских зоонимов). *Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4*. 2003. № 1: 52–57.
- Горды 2010 — Горды М. *Соматическая фразеология современных русского и польского языков*. Щецин: voluminal. pl, 2010. 364 с.
- Гридина, Коновалова 2019 — Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Зооморфизмы как основа моделирования фразеологической семантики: русско-польские соответствия. *Русин*. 2019. Т. 56: 198–212. <https://doi.org/10.17223/18572685/56/12>.
- Мокиенко 1976 — Мокиенко В. М. Эксплицитность и развитие фразеологии. *SLAVIA. Ročník XLV*. 1976. Číslo 2: 113–131.
- Мустайоки 2006 — Мустайоки А. *Теория функционального синтаксиса: От семантических структур к языковым средствам*. М.: Языки славянской культуры, 2006. 512 с.

Статья поступила в редакцию 23 марта 2020 г.

Статья рекомендована в печать 8 июня 2020 г.

Boris Ju. Norman

Belarussian State University,
4, ul. Nezavisimosti, Minsk, 220030, Republic of Belarus;
Ural Federal University,
19, ul. Mira, Ekaterinburg, 620002, Russia
Boris.norman@gmail.com

Comparative Slavic phraseology and paremiology: Cornerstones and stumbling blocks*

For citation: Norman B. Ju. Comparative Slavic phraseology and paremiology: Cornerstones and stumbling blocks. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2020, 17 (3): 446–456. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.306> (In Russian)

The comparison of phraseological units of various Slavic languages is based on a unified system of concepts and their oppositions. Czech and Russian, Polish and Russian, Russian and Bulgarian, and Russian and Ukrainian idioms and paremias are studied in the article. Russian idioms such as *белая ворона*, *паршивая овца* and Polish *biały kruk*, *czarna owca*, Czech idioms *obětní beránek* and Russian *жертвенный агнец*, *козел отпущения* are examples of comparison. The sources of the material for the study are published bilingual dictionaries of phraseological units, as well as articles by linguists from different countries on this topic. Numerous semantic differences (connotations) were found that confirm the idiomatic character of each language. The equivalence of phraseological units is hindered by their polysemy and different semantic scope. And the content of proverbs reflects more the morality of society at a certain stage of its history than the linguistic image of the world. The influence of the national cultural background on the phraseological productivity (“phrasemogeneity”) of lexemes is

* The research is supported by UrFU Competitiveness Enhancement Program (agreement No. 02. A03.21.0006).

demonstrated in the work. In particular, the words *цървул*, *калтак*, *бъклица*, *трън*, denoting the facts of rural life, are productive for Bulgarian phraseology. An attempt is made in the article to systematize the differential features that distinguish phraseological units of different languages. These are such oppositions as: “person” — “object”, “space” — “time”, “spiritual” — “material”, “assessment: approving/disapproving/neutral”, “external manifestation” — “internal state”, “scale: general — private”, and “stylistic coloring: from rough to sublime”. The depth and thoroughness of the semasiological analysis revise the thesis about the universal phraseological fund. The article discusses and develops some provisions of professor Valery Mokienko’s concept.

Keywords: phraseology, paremia, comparison, Slavic languages, connotation.

References

- Алпатов 2014 — Alpatov V.M. About two “childhood diseases” of modern linguistics (language, ideology, speech genres). *Zhanry rechi*. 2014, (1–2): 9–15. (In Russian)
- Голяк 2003 — Goliak S. V. The activity of a word and its manifestations in phraseology (based on material from Serbian and Belarusian zoonyms). *Vesnik Belaruskaga dziazrzhavnaga universiteta*. Seryia 4. 2003, (1): 52–57. (In Russian)
- Горды 2010 — Gordy M. *Somatic phraseology of modern Russian and Polish languages*. Shchetsin: voluminal. pl, 2010. 364 p. (In Russian)
- Гридина, Коновалова 2019 — Gridina T. A., Konovalova N. I. Zoomorphisms as the basis for modeling phraseological semantics: Russian-Polish correspondences. *Rusin*. 2019. Vol. 56: 198–212. <https://doi.org/10.17223/18572685/56/12>. (In Russian)
- Мокиенко 1976 — Mokienko V. M. Explicitness and development of phraseology. *SLAVIA*. Ročník XLV. 1976. Číslo 2: 113–131. (In Russian)
- Мустайоки 2006 — Mustajoki A. *Theory of functional syntax: From semantic structures to language means*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2006. 512 p. (In Russian)

Received: March 23, 2020

Accepted: June 8, 2020